

ПЕТР БОРКОВЕЦ

Перевод с чешского Сергея Скорвида *

Кущи пустынного — оракула — кукловода

чуть кивнул соловей
по прозвищу Пфейффлин ¹
мы взявши барабаны
вышли зывать

а как зывали
старый сонник гласил:
дождей излитія ждати
рыбѣ въ гортани торчати
всѣмъ есть умрети
такъ есть

как гласил сонник
тварь добрая и шелудивая
к нам ластилась
гладить

а как ластилась
сонник гласил:
рыбы съ небесъ прямо схождение зрѣти
потопомъ дождь мнити и градъ
яко въ новый свѣтъ внити
аккурат

как гласил сонник
соловей кивнул
звери к нам льнули
а барабаны зывали

так зывали:

* © Сергей Скорвид, 2007.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2007.
<http://imwerden.de>

¹ Этим словом немецкий композитор конца XVI — начала XVII веков Михаэль Преториус в своей энциклопедии «Синтагма мусикум» (1619) обозначил один из видов флейты.

1

тот кто на флейте
который играет
кто в барабан
а кто строгает

из всех вас люди
кого боженька любит
который какого
из людей благого
который то будет
а?

2

будь уверен
рыбы за шиворотом
страх как холодят
будь уверен и услышь нас
будь уверен и услышь нас
будь уверен и услышь нас треугольник из веток
будь уверен и услышь нас
 услышь
 а?

а еще так зывали:

3

через барабаны и свирели выслушаны
от болезней глада и мора избавлены
солнцем одурманены
от костей в траву кинутых очищены

мы этого и желаем

о гонги
о гонги
о гонги

и еще:

тинтиннабулум вырезанное
тинтиннабулум зубчатое
тинтиннабулум спаянное
тинтиннабулум выбитое
тинтиннабулум чистое

это ты о ты
а мы-то в барабаны а мы-то

это ты о ты
а мы-то в барабаны а мы-то

а еще и иначе зывали
по-всячески иначе

На шифрованный лай

На лай шифрованный,
черный клин двора всаживающий
в рукояти прислоненных мотыг,
падает шифровальная решетка
освещенного окна.

Когда же ты выйдешь —
а выйдешь? или не хватит духа? —
наткнешься на осужденного в колесе,
который в полусне шепнет:

А тебя что ждет, что настигнет,
лукавый язык?

29. XII.

Нет слов иных — одно лишь *нет*.

Трех букв наклонных силуэт
и есть и нет, и есть и нет.

Нет.

Есть лишь одно: наклон.

Есть лишь наклон — и склон.
Склон года, часа и мгновенья;
он в сердце женщины биенье
то склонного, то нет.

Колкий любовника ответ
лежит в столе. Он там — и нет.
Я тоже: есть и нет.

Жена ближнего

— Давай сегодня? — Нет. — Кто ты?
Крутит ветер в окне, за воротами
в мареве фонарь висит, в страхе замер двор...
Раздевается. — Погаси!

Дождь. Хлопнула дверь. Встает.
Кровать, стол... Трудно впотьмах без огня.
Это сынок ее вернулся с черешен.
Припоздал. Теперь получит ремня.

Апрель

Здание сельской станции.
Моросит. Поезда ушли.
Крыльцо администрации.
Ямки, где хохлатки в пыли

возьятся, — сейчас пустые.
Частый, цвета желтка, косит
дождь. В струй его золотые
нити примешана проседь

снега. Не слышен стук колес.
С обеих сторон полотна
бело-красные два бревна
подняты, но на путь и пес

не выскочит. С новой силой
дождь. Уж не капает — хлещет.
В сережках верб такой милый
распятый Спаситель блещет.

Вырезан из железного
листа и к железу прибит...
Крестных Христа болезного
мук не выдает его вид.

Побудьте же здесь, верные,
и, преклоня колени,
примите без смятения,
что легкий лишь прочерк чернью,

который знак божества есть,
и больше ничего,
над вами парит, сливаясь
с завесой дождевой...

* * *

У лиры легонькой ничтожный вес.
Октябрь, опавший за ночь на перрон...
Скрипнули дуги, и вокзал исчез.
Шлейф за окном ползущих похорон,

в четверть часа длиной, красив до дрожи.
В зеленой дымке — тополь синей тенью,
поля, соборы Арля на мгновенье.
Когда же солнце чайный диск наложит

на города ворота, на жильё
в стоп-кадре с Вифлеемом на экране,
лира что пух: с трудом ищущая ее,
как кошелек, как проездной в кармане.

* * *

Меня не обнимая, не внимая
речам, плетению словес,
гляди лишь на меня за чашкой чая.
Я, выше пояса, весь здесь.
На кухне ширма вместо стен и ставен,
с которой полыхают самоцветы.
Зря под столом ты ищешь. Я — Кентавр.
Понять не тщишься, гостей гони советы.
Стол кончился, тянутся стулья. Хлипко
идут часы. Линолеума плитка
что камень. В мойке пальцы в кольцах вплавь.
Не обнимай и не внимай, оставь.
В тепла потоке спит материя.
Солнцу вовне до нас нет дела никакого.
Но крепко держит глаз пространство,
как слепого.

* * *

Что мы делаем? Организуем пространство,
молча, не тревожа мертвых сон.
Подрезаем деревья, огораживаем кучи компоста,
вытряхиваем из мышеловок попавшихся туда мышей.
Ужин выносим в сад,
а в дом заносим хвою.
Когда пожухнет, отдаем ее садовым кострам —
сладкий дым стелется в наших платяных шкафах.
Вечерами, уставясь в кладку стены за окном,
говорим тихо, чтобы не разбудить мертвых.
Посреди мебели любим друг друга
телами, которые *не обратны пространству*.

* * *

Нет, ни при чем расположение звезд,
когда под лиственницы бросят наших мертвых
и капли с веток, хрупких, будто дым,
в чернила пепел обратят в траве.

Язык — тот все еще меж закопченных стен,
фразы обходят бережно кровать и кресло,
все еще тянутся за голосом слова,
за серо-голубой поникшей лентой.

Нет, ни при чем расположение звезд,
леска зашелестит вдоль удочки,
выдернется нитка из ушка...
Язык цепляется за пепельные петли.

Сорняк

1

Его не видно,
он не существует.
Выпавшие кишки, оголенные гениталии,
крокодил, с которого заживо содрана кожа,
либо ничто —
зеленый рой, отчаянный зеленый залп
(дежурных две метафоры).

Увеличительные стекла
дружной колонией ползут по стеблю
(а пара луп, что с крыльями уже,
летает низко над побегами).

2

С брюзжаньем старческим чертополоха истуканы
да лопухи-убийцы жмутся в тень,
перед тобой же кто-то рвет ковер,
сотканный из кузнечиков с клопами...

Опасное местечко
(сплошь могучие сочные спины),
но тут есть отель
с администраторшей, что знает языки
и номер твоего номера.

О зеленый Восток
с ледяными глазами
в скромно-махровом цветенье того,
у чего есть свое лицо,
но для чего нет метафоры!

Об авторах

ПЕТР БОРКОВЕЦ (PETR BORKOVEC; род. в 1970 г.) — виднейший чешский поэт своего поколения. Выпустил семь сборников стихов, в том числе «Кущи пустытника — оракула — кукловода» (“*Poustevna, věštírna, loutkárna*”, 1991), «Полевые работы» (“*Polní práce*”, 1998), «Между окном, столом и постелью» (“*Mezi oknem, stolem a postelí*”, 1996), «Needle-book» (2003) и суммирующий все предыдущие сборник «Континент» (“*Vnitrozemí*”, 2005). Одновременно известен как переводчик античных авторов (Эсхил, Софокл) и, главным образом, русских поэтов разных периодов — Владислава Ходасевича, Георгия Иванова, Владимира Набокова, Юрия Одарченко, Иосифа Бродского, Евгения Рейна. Пишет также прозу; его произведения переводились на немецкий и другие языки.

СКОРВИД СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ (род. в 1958 г.) — филолог-славист, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета МГУ им. Ломоносова. Переводит прозу и поэзию с чешского, словацкого, польского и серболужицкого языков. Член творческого союза «Мастера литературного перевода».